

Н. Н. КОЛПАКОВА (Ленинград)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПОЛЯ

В финно-угорских языках для выражения отношений посессивности существует специальная морфологическая категория притяжательности (лично-притяжательности, обладания), которая представлена определенным набором лично-притяжательных суффиксов (далее ЛПС), присоединяемых к слову, выражающему предмет обладания, и указывающих на грамматическое лицо обладателя (Основы 1974 : 273 и сл.). Морфологическая категория лично-притяжательности в финно-угорских языках является основным грамматическим средством выражения посессивных отношений, хотя в указанных языках есть и другие морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические средства, интерпретирующие притяжательные отношения. Их анализ не входит в задачу данной статьи.

Из специальных работ последних лет особый интерес для нас представляет исследование Э. Гаал (Gaál 1978), в котором сделана попытка определить место посессивности в системе языка и проанализировать реализацию посессивных отношений на разных уровнях (морфема, лексема, синтагма и т. д.), не ограничивая анализ морфологической категорией лично-притяжательности. Данное исследование остается единственной работой такого рода не только по венгерскому, но и вообще по финно-угорским языкам. Стремление к решению проблемы во всей ее полноте побуждает нас, с одной стороны, в известной степени поддержать идеи, высказанные Э. Гаал, с другой, избрать иной подход, который, на наш взгляд, откроет новые возможности в трактовке категории посессивности и ее языковой реализации на материале венгерского языка.

В основу анализа категории посессивности на материале венгерского языка положен функционально-структурный подход и использован принцип поля, который заключается в изучении языковых фактов с точки зрения теории поля. Теория поля получила, по нашему мнению, наиболее полное развитие в работах А. В. Бондарко (1971; 1976). В трактовке категории посессивности мы исходим из концепции и определения функционально-семантических полей А. В. Бондарко, согласно которому им присущи следующие черты: 1) наличие у языковых средств данной группировки общих инвариантных семантических функций; 2) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов — грамматических и лексических; 3) структура, которую определяют признаки: а) членение «центр (ядро) — периферия»; б) постепенные переходы между компонентами, частичные пересечения, «общие сегменты» (Бондарко 1976 : 204).

В данной статье рассматривается лишь один из аспектов, связанных с проблемой посессивности в венгерском языке, с позиций функционально-семантического поля (далее ФСП), а именно, некоторые неосновные особенности функционирования ЛПС.

Известно, что ЛПС венгерского языка не всегда служат для выражения притяжательных отношений: например, при инфинитивах, наречиях, послелогах они играют иную роль. Ссылки на это имеются в соответствующих разделах грамматик и в работах, касающихся этого вопроса (не только по венгерскому, но и по другим финно-угорским языкам). Однако материал излагается, как правило, лишь в плане употребления лично-притяжательных форм. Между тем, если рассматривать данную суффиксацию в венгерском и других финно-угорских языках как одно из основных морфологических средств выражения посессивных отношений и как один из компонентов ФСП посессивности, возникает необходимость определения и отграничения тех значений данной грамматической формы, которые не входят в план содержания ФСП посессивности. Поскольку морфологическая категория принадлежности (обладания) находится в грамматическом центре данного ФСП, именно она и определяет доминанту его семантики (см. Бондарко 1976 : 209, 213—219). Поэтому ЛПС выполняют общие семантические функции выражения отношений принадлежности или обладания (в широком смысле), т. е. представляют собственно категориальные значения. Таким образом, упомянутая выше способность ЛПС выступать в иных, непритяжательных значениях требует конкретизации этих значений и выделения их за пределы данной системы. Здесь не анализируются подробно все виды и оттенки отношений принадлежности. Обычно выделяют пять-шесть основных значений (части и целого, носителя и свойства, причины и следствия и т. д.) (об этом см. Селиверстова 1982 : 42; Nadgovic 1969 : 139—176).

Принимая во внимание изложенные выше положения, случаи употребления ЛПС венгерского языка в непритяжательных значениях можно разделить на группы на основе функций, выполняемых ЛПС.

1. ЛПС выражают грамматическое лицо и таким образом служат одним из морфологических средств выражения плана содержания ФСП персональности.

а) Присоединение к инфинитиву (в сочетании с такими словами, как *kell* 'нужно', *érdemes* 'стоит', *illik* 'подобает, надлежит' и т. д.); например, безличная форма *olvasni kell* 'нужно читать' с указанием на лицо имеет следующую парадигму:

		ед. ч.
1 л.	<i>olvasnom kell</i>	'мне нужно читать'
2 л.	<i>olvasnod kell</i>	'тебе нужно читать'
3 л.	<i>olvasnia kell</i>	'ему (ей, Вам) нужно читать'
		мн. ч.
1 л.	<i>olvasnunk kell</i>	'нам нужно читать'
2 л.	<i>olvasnotok kell</i>	'вам нужно читать'
3 л.	<i>olvasniuk kell</i>	'им (Вам — мн. ч.) нужно читать'

б) Присоединение к именам действия: *hazafelé ment-em-ben* 'когда я шел домой', *hazafelé ment-ed-ben* 'когда ты шел домой' и т. д.; или *nevettem-ben* 'когда я смеялся', *nevetted-ben* 'когда ты смеялся' и т. д.; ср. *menet* (совр. *menés*) 'ход', *nevetet* (совр. *nevetés*) 'смех' (аналогии есть и в других финно-угорских языках: фин. *minun lukiessani* 'когда я читал', *kotiin tullessamme* 'когда мы шли домой'; мокш. *модемстонза* 'когда он шел', букв. 'во время его ходьбы'; удм. *ужакум* 'когда я рабо-

гаю', *ужакуд* 'когда ты работаешь'; коми *муниганым* 'когда мы идем', *муниганыд* 'когда вы идете' и т. д.).

Группы слов, упомянутые в пунктах а), б), исторически будучи именами действия и присоединяя лично-притяжательные окончания, демонстрируют в современном языке прежнюю притяжательную семантику (например, *olvasnom kell* обозначало 'к моему чтению нужно' и т. д.).

в) Присоединение к разным послелогам: *előtt-em* 'передо мной', *mögött-ed* 'за тобой', *alatt-a* 'под ним (ней)', *mellett-ünk* 'рядом с нами', *felelletek* 'над вами', *felé-jük* 'по направлению к ним' и т. д. (аналоги есть и в других родственных языках: эрз. *vakskan* 'мимо меня', *vakskat* 'мимо тебя', *alonzo* 'под ним (ней)', *alost* 'под ними'; мокш. *минь мархтонк* 'с нами', *тинь мархтонт* 'с вами'; мар. *мый декем* 'ко мне', *тый гает* 'как ты'; фин. *päälläsi* 'на тебе'; удм. *сбõрамы* 'мы с тобой', *сбõрамыс* 'они с собой'; коми *сбõраным* 'мы с собой', *сбõраныс* 'они с собой', *ордас* 'при нем', *пытшкам* 'во мне' и т. д.). В сочетаниях послелогов с ЛПС также легко реконструируется прежняя притяжательная семантика, например: *mell-e-tt-ünk* 'на нашей груди' (*mell* 'грудь' + соединительный гласный *-e* + локативный суффикс *-tt* + ЛПС 1 л. мн. ч. *-ünk*); фин. *pää-llä-si* 'на твоей голове' (*pää* 'голова' + окончание адессива *-llä* + ЛПС 2 л. ед. ч. *-si*) и т. д.

г) Присоединение к словам количественного значения: *kettõ-nk-nek* 'нам двоим', *mindnyáj-unk-at* 'нас всех' и т. д.; нужно однако напомнить, что *kettõnk* первоначально 'двое из нас' (подобные счетно-личные местоимения есть и в других финно-угорских языках: мокш. *колмоненк* 'мы втроем', *колмонест* 'они трое, они втроем'; мар. *когылянышт* 'им двоим'; удм. *кыкнамы* 'мы оба, мы двое; мы вдвоем', *витьназы* 'они пятером, они пятеро'; коми *нельнанныд* 'вы четверо, вы вчетвером' и т. д.).

II. ЛПС 3-го лица единственного числа (обладатель и обладаемое в ед. ч.) *-a/-ja, -e/-je*, присоединяясь к существительным, обозначающим разные временные понятия (*év* 'год', *nap* 'день', *perc* 'минута', *idő* 'время' и т. д.), выражают время (которое прошло с некоторого момента в прошлом до момента сообщения). Следовательно, в этой функции они включаются в набор языковых средств поля темпоральности; например: *Négy hete vagyok Moszkvában* 'Четыре недели я нахожусь в Москве', букв. 'Четыре недели тому (того), как я нахожусь в Москве'. Именно в этой функции ЛПС, по нашим наблюдениям, наиболее рельефно выступает влияние контекста на способность грамматической формы выражать то или иное значение (см. также Бондарко 1971). Одна и та же словоформа может в одном контексте репрезентировать посессивные отношения, в другом — темпоральные. Сравним два примера.

1. *Két napja ecetes, lisztes levesen élünk* 'Два дня (букв. два дня тому (того), как...) мы живем на супе, приправленном уксусом и мукой'. Здесь ЛПС *-ja* в *napja* 'день его' выражает временные отношения.

2. *Például egy csordás egész napja egy munkanapnak számít* 'Например, целый день пастуха считается одним трудоднем'. В этом предложении *napja* 'его день' по форме не отличается от предыдущего случая, однако в таком контексте ЛПС *-ja* служит для выражения именно посессивных отношений: *egy csordás napja* 'день пастуха' (ср. *kinek a napja?* 'чей день?').

III. ЛПС 1-го лица, присоединяясь к существительным, обозначающим лицо или группу лиц и употребляемым в качестве обращений, фактически служат морфологическим средством выражения вокативности: *Kedves barátom!* 'Дорогой друг!', букв. 'Мой дорогой друг!'; *Tisztelt hallgatóim!* 'Уважаемые слушатели!', букв. 'Мои уважаемые слушатели!' и т. д. В этой функции ЛПС встречаются и в других финно-угорских язы-

ках, например: эрз. *S'äyäl'äвкскин мон!* 'Детеныши мои!'; коми *Колпöй!* 'Соловушка!', букв. 'Соловей мой!'; мар. *Авам!* 'Матушка!', букв. 'Моя мать!' и т. д. Исторически и здесь в основе была семантика притяжательности.

IV. ЛПС употребляются в современном венгерском языке в ряде регулярных образований.

а) Топонимы типа *Péterfalva* букв. 'деревня Петера', *Pannonhalma* букв. 'холм Паннона' получили свое развитие на основе прежней притяжательности и имели первоначально раздельное написание (*Péter falva* 'деревня Петера'), поскольку прежде населенным пунктам часто присваивали названия по имени того, кому они принадлежали, или по имени знатного лица, там проживающего. Топонимы другого типа: *Hegyalja* букв. 'низ горы', *Kárpátalja* 'Прикарпатье', букв. 'низ Карпат' и т. д., сохраняют явные следы прежних свободных притяжательных конструкций.

б) Конструкции типа *Budapest városa* 'город Будапешт', букв. 'город Будапешта', *Leningrád városa* 'город Ленинград', букв. 'город Ленинграда', *Bécs városa* 'город Вена', букв. 'город Вены' и т. д. первоначально выражали посессивные отношения в широком смысле слова, например: *Buda városa* 'город Буды' (*Buda* — личное имя, ныне устаревшее). Позднее модели соответствующих притяжательных конструкций, утратив прежнее значение, стали употребляться и в связи с названиями городов, не мотивированными личными именами, например: после объединения городов Буда и Пешт (*Buda + Pest > Budapest*) по упомянутой модели сконструировано *Budapest városa*, ср. также *Moszkva városa* 'город Москва', где первый компонент никак не соотносен с личным именем (Майтинская 1960 : 27).

в) Количественные прилагательные на *-s* + ЛПС 3-го лица единственного числа + окончание совместно-орудийного падежа *-val/-vel*: *egyese-ével* 'по одному, по одиночке', *kettes-ével* 'по двое', *hármás-ával* 'по трое' и т. д., например: *a gyerekek hármásával ültek a padokban* 'дети сидели на партах по трое'.

г) Эмоциональные и часто шуточные бранные выражения со значением 'черт побери, черт подери, черт возьми' (*az áldóját, a krisztusát, a teremburáját* и т. д.) возводятся к зависимым от глагола притяжательным конструкциям, выражающим «нецензурные» ругательства. В целях завуалирования первоначального смысла и смягчения их значения подобные конструкции упрощены за счет элизии глагольных компонентов, а иногда и искажения звукового состава (MTESz III 898).

V. ЛПС «застыли» в составе некоторых наречий и послелогов и не несут в современном языке никакой семантической нагрузки.

а) Наречия: *nagyjában* 'в общем; в общих чертах, в основном', букв. 'в его большой (части), в его большинстве'; *sebtében* 'спешно, второпях, впопыхах', букв. 'в его спешке, когда он спешил' (MTESz III 506); *korán* 'рано', букв. 'в его время' (MTESz II 569); *kutyafuttában* 'наспех, с кондачка'; слово *kutyafuttában* состоит из двух компонентов: обладателя и обладаемого *kutya* + *futat* (совр. *futás*); букв. 'в беге собаки' и т. д.

б) Послелог: *gyanánt* (< *gyanujánt* 'по его предположению'; MTESz I 1119) 'в качестве, в виде'; *után* (< *útján* 'по его пути') 'после'; *szerint* (< *szerént* 'по его способу'; MTESz III 739) 'согласно' и т. д.

Выше перечислены и проиллюстрированы только основные типы десемантизации ЛПС. Однако даже приведенный материал позволяет разделить интересующие нас явления на две большие группы: одни явления десемантизации объясняются характерными особенностями финно-угорских языков (см. случаи в разделе I, основанные на специфичной близости нефинитных форм глагола и имени, а также близости послелогов

и имени); другие носят индивидуальный характер и отличаются большим разнообразием. Примечательно, что в случаях раздела V (наряду с десемантизацией ЛПС) нередко наблюдается и десемантизация корневого компонента (*sebtében, gyanánt, korán, szerint*) или компонентов (см. возникшее в результате словосложения *kutyafuttában*).

Общим для рассмотренных «непритязательных выражений» является то, что ранее они в той или иной степени передавали притязательность. Таким образом, если к проблеме посессивных отношений в современном венгерском языке подойти с точки зрения поля, окажется недостаточным лишь констатировать то или иное употребление ЛПС. Принцип поля позволяет не только выявить функциональные особенности данной грамматической формы, но и вывести за рамки ФСП посессивности не свойственные ему значения языковых средств выражения и включить их в план выражения поля других категорий (темпоральности, персональности и т. д.). Этот принцип способствует также обнаружению переходных явлений, которые, однако, в рамках данной статьи не рассматриваются.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1971, Грамматическая категория и контекст, Ленинград.
 — 1976, Теория морфологических категорий, Ленинград.
 Майтинская К. Е. 1960, Венгерский язык III. Синтаксис, Москва.
 Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва 1974.
 Селиверстова О. Н. 1982, Экзистенциальность и посессивность в языке и речи. Автореф. канд. дисс., Москва.
 Gaál, E. 1978, A birtoklás kifejezése a magyar nyelvben, Budapest (NyÉrt. 97).
 Hadrovics, L. 1969, A funkcionális magyar mondatan alapjai, Budapest.

N. N. KOLPAKOVA (Leningrad)

SOME PROBLEMS OF HUNGARIAN POSSESSIVE RELATIONS IN THE LIGHT OF FIELD THEORY

The article concerns some cases of functioning of Hungarian possessive suffixes in which they are not used in the possessive meaning but take on a new one. By using the diachronic approach the former possessive meaning may be revealed easily enough in the majority of cases. The problem is being solved from the point of view of field theory. Such an approach not only helps to determine the nonpossessive usage of possessive suffixes, but also permits of including it in other functional-semantic fields.